

И Тёркин — тоже наш!

Портрет
Василия Тёркина
писали с солдата,
родившегося
и выросшего в селе
Прыганка Алтайского
края, — Василия
Глотова.

текст

АНАТОЛИЙ
МУРАВЛЕВ

Рисунок
Ореста
Верейского.

«Мой путь лежал от батрака до подполковника запаса», — писал Василий Гловот в одном из своих стихотворений.

Вот что он сообщал о себе по просьбе ребят из родной своей школы через много-много лет: «Первый класс я закончил в Прыганке. В первые годы Советской власти все Гловоты вступили в коммуну «Лев» и выехали в лога за двадцать, а может, за тридцать километров от Прыганки. После там образовывается поселок Лев, а еще позднее жители его разъехались по разным колхозам Алтайского края. Из этого поселка я ушел учиться в город Камень, в ФЗУ (фабрично-заводское училище), а потом — в Красную армию, где служил, продолжил учебу, прошел путь от рядового солдата до подполковника запаса.

В члены Союза советских писателей был принят в 1939 году. Живу во Львове, в Прыганке я не был уже много лет».

В том же письме Василий Гловот отмечал: «...Если у вас есть книга А. Твардовского, обратите внимание на портрет Василия Тёркина. Орест Верейский рисовал этот портрет с меня в боях под Москвой».

Сам Орест Верейский в одном из очерков вспоминал, что Александр Твардовский попросил его проиллюстрировать «Книгу про бойца». Поэту хотелось открыть книгу портретом Василия Тёркина, уже полюбившегося фронтовикам. Верейский искал типаж.

Однажды в редакцию фронтовой газеты «Красноармейской правды» приехал из армейской газеты «За правое дело» Василий Иванович Гловот, намеревавшийся почитать Твардовскому свои стихи, — известный поэт уже был знаком с его творчеством.

Они, по сохранившимся воспоминаниям Глотова, познакомились ранней весной 1942 года, встретившись в клубе маленького подмосковного городка на совещании редакторов и специальных корреспондентов армейских и дивизионных газет. Василий Гловот вспоминал:

«В перерыве я подошел к нему и, отрекомендовавшись, услышал в ответ:

— А я вас знаю.

Я усомнился.

— Знаю, знаю, — повторил Твардовский. — Недавно я побывал в одной дивизии на концерте армейской самодеятельности. Молодой автоматчик под баян исполнял вашу песню о разведчике. Хорошо получилось. И слова, и музыка мне понравились. А сейчас что-то есть при себе?

Я вынул из планшетки стихотворение «Другу» и подал ему. Он внимательно прочитал и, одобрителем кивнув, сказал:

— Вот что, товарищ Гловот: подберите еще несколько стихов и присылайте в «Красноармейскую правду». Напечатаем».

Гловот, по сведениям научного сотрудника Государственного литературного музея Владимира Крижевского, был

метранпажем или курьером между редакцией газеты и типографией, привозил тираж, развозил по фронтам.

Однако в военных документах в ту пору он значился литературным сотрудником армейской газеты «За правое дело».

«С пронзившим меня радостным чувством я вдруг узнал Тёркина в Василии Глотова, — вспоминал Орест Верейский. — Я бросился к Александру Трифоновичу со своим открытием. Он сначала удивленно вскинул брови, потом попросил меня для начала нарисовать Глотова.

Идея «попробоваться» на образ Тёркина показалась Глотова забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищурился, расплылся в улыбке, что делало его еще больше похожим на Тёркина, каким я себе его представлял.

Я нарисовал его в профиль и анфас, в три четверти, с опущенной головой. Показал рисунки Твардовскому. Александр Трифонович сказал: «Да!»

С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Тёркина другим. Все мои прежние поиски тёркинских примет не пропали даром, я аккумулировал их, рисуя того Тёркина, основой которого стал Гловот».

Александр Твардовский любил бывать в армейской газете у Василия Глотова. Вместе они выезжали на передовую, ночевали, укрывшись одной шинелью.

«Встречали нас гостеприимно, — писал позже Василий Иванович. — Александра Трифоновича обычно просили прочитать что-нибудь из «Василия Тёркина». Он никогда не отказывался. Потом я брал полковую двухрядку и с задором исполнял шуточные частушки. Поэт широко улыбался и просил:

— Повтори, Вася, повтори!

Известный поэт любил наблюдать, как его алтайский знакомый колет дрова, играет на гармошке, поет частушки.

Василий Гловот — личность незаурядная, колоритная, вышедшая из глубин народной жизни. Он также, как и его тезка, был деревенским, смекалистым, расторопным, не терявшим бодрости духа русским человеком.

По словам Глотова, Твардовский отличался наблюдательностью, хотел знать все в подробно-

стях. «Помню, где-то в смоленских лесах боец рассказал нам в землянке такой случай. Он много месяцев был на передовой, привык спать в шапке, не раздеваясь. Потом с легким ранением попал в медсанбат, а там — железная кровать, теплое одеяло и простыни! Но ему не спалось. Первые три ночи промучился без сна. И тогда пожилой санитар посоветовал ему на ночь надеть шапку. Он так и сделал. И что вы думаете? Уснул очень крепко.

Александр Трифонович внимательно слушал пехотинца, задавал вопросы, кое-что уточняя.

Недели через две приходит фронтовая газета. Разворачиваю и вижу очередную главу — «Отдых Тёркина». Читаю:

*То ли жарко, то ли зябко,
Не понять, а сна всё нет.
— Да надень ты, парень, шапку, —
Вдруг дают ему совет.*

И после четырёх строф:

*Видит: нет, не зря послушал
Тех, что знали, в чём резон:
Как-то вдруг созрелись уши,
Как-то стало мягче, глуше —
И всего свернуло в сон....*

Они еще раз встретились на фронте в 1945 году в Восточной Пруссии, в маленьком населенном пункте недалеко от Балтийского моря. Александр Трифонович подписал старшему политруку, который к тому времени значился в штате газеты «За правое дело» писателем, первое издание «Книги про бойца», вышедшее в Смоленске. На титульном листе написал: «Василию Глову, близкому родственнику В. Тёркина, моему дорогому поэту и товарищу по войне. А. Твардовский. 1945 г. Замок Галинген. Восточная Пруссия».

Эта книга бережно хранится в семейной библиотеке Гловых во Львове.

После войны фронтовые писатели жили в разных городах и общались редко. Известно, что группы львовских и московских литераторов, в составе которых были Василий Глов и Александр Твардовский, встречались в Киеве на съезде писателей Украины через два года после окончания войны. Также наш земляк приезжал в Москву, в редакцию журнала «Новый мир», где Твардовский был главным редактором.

«Встретил он меня тепло, как родного, — вспоминал Глов. — Я тут же сказал: — Напутали вы, братцы мои! — Кто это «вы»? И что напутали? — Вы — это ты и Верейский, — пояснил я. — Вместо портрета Тёркина вы напечатали мою физиономию.

— Вот уж нет! — хитровато улыбнулся Саша. — Тёркин каким был, таким и остал-

ся. Знаешь, по-моему, ты очень похож на него. Бывало, сочиняя, я именно тебя представлял. Так что ничего не напутали.

Встречаясь со своими московскими друзьями, Твардовский представлял меня: — Тёркин!

Мне было неловко. Да, Орест Верейский рисовал меня в 1942 году, когда я был на стажировке в редакции фронтовой газеты. Я тогда отнекивался, так как не любил даже фотографироваться. Оказывается, он долго искал образ Тёркина, показывал

**Василий Глов,
Александр
Твардовский
и Орест
Верейский в ре-
дакции газеты
«Красноармейская
правда».**

Твардовскому разные варианты, но тот отвергал их. Зато, увидев на рисунке меня, обрадовался. «Вот это он! Таким я его и представлял».

Последний подарок известного советского поэта нашему земляку — отпечаток портрета Тёркина с кратким письмецом: «Дорогой Василий Иванович! Поздравляю тебя с 50-летием нашей армии от себя и от имени солдата, чье изображение, которым он, между прочим, обязан твоей ряске».

На обороте приписка: «Автор пусть его стареет, пусть не старится герой!»

Обнимаю тебя. Твой А. Твардовский».

На Смоленщине сооружен памятник: автор «Книги про бойца», сидя на бревнышке, разговаривает со своим героем.

Глов-Тёркин написал в 1971 году, когда ушел из жизни Александр Твардовский:

*Тоскую я, ушёл ты, дорогой!
Немало дел ещё
в двадцатом веке.
О буднях, о боях, о человеке
Не скажет так
уже никто другой!*

Василий Иванович, как и Александр Трифонович занимался литературным трудом, издал 35 книг стихов и прозы, в том числе повести: «Его вина», «Песня степи», «Наедине с совестью», «Сильнее страха».

Но, по собственному признанию, Глов не смог написать о войне лучше, чем Твардовский в «Тёркине»:

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие
не пришли с войны,
В том, что они —
кто старше, кто моложе —
Остались там,
Но не о том же речь,
Что я их мог,
но не сумел сберечь, —
Речь не о том...*

Бывшего фронтового корреспондента в роли Тёркина рисовали и другие художники. Например, Юрий Непринцев в картине «Отдых после боя».

Помнили Василия Глова, ставшего прообразом советского супергероя, не только на Алтае.

Вот что он сам рассказывал: «Произошел со мной и удивительно курьезный случай. Вскоре после смерти Твардовского в 1971 году я приехал в Москву и хотел пройти на Новодевичье кладбище, где похоронен Саша. Милиционер у входа остановил меня: «Сегодня нельзя». Я пытался объяснить, что прибыл из Львова специально, чтобы положить цветы на могилу Александра Трифоновича, что мы с ним подружились еще на фронте. Все было бесполезно. И вдруг оказавшийся рядом пожилой мужчина, глянув на меня, почти крикнул милиционеру: «Да это же Василий Тёркин!» Тот посмотрел внимательно и взял под козырек: «Простите, сразу не узнал. Проходите, пожалуйста».

А сосед по Львову Юрий Кириллов отмечал, что впереди траурной процессии во время похорон писателя-фронтовика Глова несли не только фотопортрет Василия Ивановича, но и увеличенный рисунок Ореста Верейского: Тёркин, придерживая винтовку, сворачивает самокрутку. ■